

Так он хороший или плохой?

Несколько лет назад воды юго-восточного моря были беспокойны из-за бесчинствовавших там разбойников. Люди были встревожены даже во время рыбалки, не говоря уж о выходе в открытое море. Они постоянно дрожали от страха, что их оберут до нитки. Впоследствии банды еще больше обнаглели. Объединившись с вокоу*, они высаживались на берег; жгли все на своем пути, грабили и убивали, пытаясь вторгнуться вглубь страны. В то время оборона юго-восточной части империи Чу была слабой, и она понесла много потерь. Три крупных прибрежных города пали один за другим. Огонь войны разгорался все жарче, и скоро мог выжечь все дотла. В критический момент сам император Чу повел свои войска на юг и изгнал пиратов из страны. Также он оставил тридцать тысяч солдат на юго-востоке страны для защиты мира и благополучия народа.

*П.п.: Вокоу (倭寇) — японские пираты, ронины и контрабандисты, которые разоряли берега Китая и Кореи. В старину Япония называлась "страна Во".

В летописях было очень подробно изложено, где и когда проходили сражения, вплоть до того насколько жестокими они были. Имена всех командующих, погибших на войне, были высечены на каменных столбах, которые во веки веков будут стоять на берегу, глядя на безбрежный водную гладь, которую они когда-то защищали.

Но даже если вы перероете все летописи, вы не найдете слов "Юнь Дуаньхунь". Имя прославленного в те времена великого светлого князя теперь лишь изредка можно услышать из уст старых рыбаков, да в историях, что рассказывают на улицах.

— Юнь Дуаньхунь? — Чжао Юэ покачал головой. — Никогда не слышал.

— Это было много лет назад. Императорский дворец приказал держать все в строжайшем секрете, так что незнание вполне оправданно, — сказал Вэнь Люнянь. — Я тоже узнал его имя, только когда прочитал неофициальные записи, пользуясь своим положением.

— Он был человеком Улинь? — спросил Чжао Юэ.

— Когда я был в Юньлане, я тоже из любопытства спросил о нем хозяина дворца Циня, но не думаю, что он был человеком Улинь, — сказал Вэнь Люнянь. — В неофициальных записях ничего не говорилось о прошлом великого светлого князя. Упоминалось только то, что когда покойный император сражался с пиратами, именно благодаря его помощи армия империи Чу одерживала одну победу за другой.

— Если это правда, тогда это можно считать услугой покойному императору, — сказал Чжао Юэ. — Почему тогда вице-адмирала великого светлого князя полностью вычеркнули из летописей?

— Не знаю, я и сам никогда раньше не обращал на это особого внимания, — сказал Вэнь Люнянь, снова понизив голос. — Но большая часть того, что может обеспокоить императорскую семью, связана с ощущением угрозы императорской власти.

— Измена? — Чжао Юэ все понял. — Теперь мне понятна реакция Сян Ле, когда он увидел банду Голова Тигра сегодня вечером.

— Угу, — задумчиво кивнул Вэнь Люнянь.

— О чем думаешь? — спросил Чжао Юэ.

— Когда я услышал как ты упомянул об этом, моя первая мысль была такой же: я подумал, что главарь Головы Тигра и был великим светлым князем, — сказал Вэнь Люнянь. — Но сейчас, пока мы говорили, мне показалось, что это как-то неправильно.

— Почему? — Заметив, что у него во рту пересохло, Чжао Юэ налил в чашку чай и протянул ему.

— Если бы великий светлый князь действительно замышлял измену, императорский двор мог бы открыто арестовать его. Не было необходимости так скрывать, — сказал Вэнь Люнянь. — В конце концов, смертная казнь за государственную измену используется в качестве наказания при любой династии. Это явно не случайность.

— Это правда, — кивнул Чжао Юэ.

— Однако покойный император предпочел замять это дело, не поднимая шум, — сказал Вэнь Люнянь. — Великий светлый князь тоже исчез в одночасье, оставив лишь многочисленные славные истории на побережье.

— И у людей не было сомнений? — недоумевал Чжао Юэ.

— Естественно были, и очень много, — сказал Вэнь Люнянь. — В конце концов, это был храбрый командир, который защищал свою родину, и вдруг от него ни слуху, ни духу. У любого бы возникли сомнения. Это объясняет, почему через три-четыре года после его исчезновения в народе внезапно стали популярны всевозможные книжки, в которых он описывался, как крайне неприятный и мерзкий тип.

— Ты хочешь сказать, что после битвы заслуги великого светлого князя превзошли заслуги государя, и почивший император династии Чу придумал план, чтобы заставить его исчезнуть навеки? Изначально он думал тихо перевернуть эту страницу, но не ожидал, что у Юнь Дуаньхуня будет настолько высокий авторитет среди народа на побережье, что сразу поползут слухи, — Чжао Юэ уловил его мысль. — Чтобы заставить народ замолчать, покойный император послал людей распространить слухи, очернить великого светлого князя, и объяснить его тогдашние действия?

Вэнь Люнянь кивнул.

— Это лишь мое предположение, но, скорей всего, так оно и есть.

— Что-то здесь не так, — сказал Чжао Юэ. — Как ты умудрился вспомнить так много, если раньше говорил, что ничего не понимаешь?

— Это странно? — Вэнь Люнянь почесал щеку. — Я с детства не забывал увиденного. Некоторые книги со временем забываются, но по необходимости я могу их вспомнить, если немного подумаю, и не ошибусь ни в одном слове.

Чжао Юэ: "..."

— Не веришь? — увидев, что он ничего не говорит, Вэнь Люнянь сказал: — На полке много

книг, можешь спросить меня по любой.

— Да я верю, — ответил Чжао Юэ. — Я просто подумал, как не повезло тем, кто сдавал экзамен вместе с тобой.

Они встретили достойного противника.

— Учитель сказал то же самое, — улыбнулся Вэнь Люнянь.

— Мы еще не закончили, — сказал Чжао Юэ. — О связи Головы Тигра и великого светлого князя.

— На самом деле, я думаю, это очень просто, — сказал Вэнь Люнянь. — Характер человека трудно изменить. Успешный в сражениях морской бог войны, который убил так много людей, не превратился бы в жестокого и зловещего предводителя разбойников в горах Цанман, даже если бы его преследовал почивший император. Иначе говоря, если даже если он был обижен, за каждой обидой есть обидчик. Он не должен приносить в жертву жизни невинных людей. Поэтому я считаю маловероятным, что великий светлый князь — главарь банды Голова Тигра.

— Тоже верно, — кивнул Чжао Юэ.

— Но почему в горах появился тотем великого светлого князя, и кто такой Цин Цю, о котором они говорили, нужно еще хорошенько пораскинуть мозгами, — досадовал Вэнь Люнянь. — Если бы знал, я бы поискал побольше неофициальных заметок о Юнь Дуаньхуне, когда был дома.

Чжао Юэ помассировал ему виски.

— У тебя голова не болит, столько читать?

— Болит, если не читать, — покачал головой Вэнь Люнянь.

Чжао Юэ усмехнулся и легонько чмокнул его в лоб.

— Кхэ-кхэ, — кашлянул во дворе Сян Ле.

Нехорошо, конечно, прерывать уединение влюбленных, но, в конце концов, есть еще важные вопросы, которые нужно обсудить, а прочие делишки хорошо бы оставить на ночь. Я больше не буду врываться!

— Лучше пока никому не говорить о великом светлом князе, — Вэнь Люнянь погладил Чжао Юэ по груди. — Хотя командир Сян принципиальный мужчина, но он все-таки человек императора, некоторые вещи ему не стоит знать, так что просто послушаем его.

— Понял, — кивнул Чжао Юэ и пошел открывать дверь кабинета.

Двор был заполнен людьми.

Великий глава Чжао: "..."

Сян Ле бросил взгляд в сторону кабинета.

— Господин, он...

Только не говори, что он уже спит.

— Входите. — Вэнь Люнянь прибавил света.

Командир Сян издал вздох облегчения.

Му Циншань запихнул в рот половинку пирожного и отряхнул руки от крошек.

— Что за спешка? — Шан Юньцзэ позабавило это зрелище. — Никто его у тебя не заберет.

Раньше он откусывал не спеша, а теперь слопал такой большой кусок.

— Как можно есть в кабинете во время совещания? — Му Циншань насилу его проглотил, чуть не подавившись.

Войдя внутрь, Шан Юньцзэ налил ему чай, стараясь, чтобы он не обжегся, когда передавал чашку, а затем выдвинул стул.

Темные стражи синхронно посмотрели на Чжао Юэ. Ничему он не научился, смотри как надо проявлять свою любовь.

Чжао Юэ: "..."

Пока они вдвоем уединились в кабинете, Сян Ле, должно быть, уже рассказал остальным о тотемах и великом светлом князе. Как и Чжао Юэ, немногие знали, кто такой этот великий светлый князь, кроме одного Темного стража, который был родом из приморской рыбацкой деревушки. Он смутно припомнил некоторые слухи, но это в основном были рассказы стариков, больше похожие на небылицы.

— Да что происходит? — спросила Хуа Тан. — Великий светлый князь Юнь Дуаньхунь, в Цзянху никогда не слышали об этом человеке.

— Имя Юнь Дуаньхуня всегда было запретным для императорской семьи, — сказал Сян Ле. — Я близок к императору, поэтому кое-что знаю об этом.

— Можете рассказать поподробнее? — спросил Вэнь Люнянь.

— Конечно, — кивнул Сян Ле. — Говорят, когда покойный император вел свои войска на битву в Восточное море, он был окружен пиратами и должен был потерпеть поражение, но в решающий момент из морских пучин вырвался военный отряд. Он не только спас императора, но и уничтожил пиратов, что и стало первой победой империи Чу.

— Человек, возглавляющий отряд, и был Юнь Дуаньхунь? — догадался Вэнь Люнянь.

Сян Ле кивнул.

— После этого Юнь Дуаньхунь последовал за императором. На этом пути ему был пожалован титул великого светлого князя. И так до окончательной победы войска империи Чу.

— А после победы? — спросил Вэнь Люнянь.

Сян Ле на мгновение замешкался и ответил:

— После морской битвы, великий светлый князь возгордился своими достижениями, и позже он стал еще более озлобленным и мятежным. Он устроил банкет, где попытался убить императора, а после того, как его план провалился, он возглавил отряд и поспешно бежал. Где он скрывается, до сих пор неизвестно.

Вэнь Люнянь и Чжао Юэ переглянулись и ничего не сказали.

— Хотя и говорят, что Юнь Дуаньхунь совершил величайшее преступление, но покойный император помнил о его боевых заслугах, и не стал предавать это дело огласке, — продолжал Сян Ле. — Долгие годы императорская семья тайно пыталась выяснить его местонахождение, но по сей день не было никаких известий.

— Значит тотем у Головы Тигра в горах Цанман — это первая ниточка? — спросил Вэнь Люнянь.

— Именно так, — кивнул Сян Ле.

— Тогда это действительно дело огромной важности, — слегка нахмурился Вэнь Люнянь.

— Господин, не стоит беспокоиться, я отправлю свои войска, чтобы охранять все выходы с гор, — сказал Сян Ле. — Я также напишу письмо и как можно скорее отправлю его императору, чтобы прояснить этот вопрос.

Вэнь Люнянь кивнул, но внутри он чувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

Человек, имеющий отношение к великому светлему князю, пытался выяснить прошлое Чжао Юэ. Учитывая, что сказал Му Ванлэй, перед тем, как упасть с обрыва, всегда казалось, что в этом кроется какая-то тайна. Что касается того, хорошая эта тайна или плохая, никто не сможет этого сказать, пока не откроется вся правда.

Чжао Юэ протянул руку и нежно погладил его по плечу.

Вэнь Люнянь повернулся и посмотрел на него.

— Не нужно заикливаться только на делах, — улыбнулся Чжао Юэ. — Уже время ужина, ты не голоден?

— Угу, — ответил Вэнь Люнянь. — Немного.

— Тогда пойдем поедим, — сказала Хуа Тан. — Обсудим остальные вопросы попозже, спешить некуда.

Даже переводчика терзает тайна личности главаря тигриной головы. Кстати, подкину дровишек в топку размышлений: "Голова тигра" так же является метафорой к благородному человеку, высоким душевным качествам. Хотя, учитывая, что они творили, никаким

благородством там и не пахнет.

<http://bllate.org/book/15740/1409156>